

Булгаков И.

Силуэты
51.05.94

Рукописи не горят

«Произведя анализ моих альбомов вырезок, я обнаружил в прессе СССР за десять лет моей литературной работы 301 отзыв обо мне. Из них: похвальных было 3, враждебно-ругательных - 298. Последние 298 представляют собой зеркальное отражение моей писательской жизни».

Это письмо правительству СССР уже тогда известный писатель Михаил Афанасьевич Булгаков написал в 1930 году. Почти сорока лет от роду. За десять лет до смерти.

Это письмо, отосланное им в семь адресов, свидетельствовало в первую очередь о том, до какой степени отчаяния и неверия в очередной раз доведен человек в этой стране. Как будто действительно в России таланты на дороге валяются, только нагнись да подними. Хотя... вникая в судьбу Булгакова, видишь, что если бы даже таланты и лежали на земле, то мало бы кто нагнулся.

Автор «Бега» и «Дней Турбиных» остался без работы, без элементарного заработка, без понимания.

И из страны ему уехать не давали. И в стране не давали нормально жить. Что же оставалось - пустить себе пулю в лоб? Увы, и об этом он тоже подумывал, но все же решил дожидаться ответа на письмо.

Но - в чем дело? Почему такое отношение к Булгакову? Анализируя то знаменитое, вошедшее в историю письмо, В.Лакшин писал: «Во-первых, Булгаков резко отметал попытки представить его пасквилянтом Великой Революции, но честно говорил, что предпочитает Великую Эволюцию, мирный и постепенный ход развития, более естественный, на его взгляд, в отсталой стране. Во-вторых, он называл лучшим словом в отечестве русскую интеллигенцию, с которой чувствовал кровную связь и, подобно своему «учителю» Салтыкову-Щедрину, считал себя вправе «изображать страшные черты моего народа», глубоко страдая от его темноты и невежества. В-третьих, с прямотой, которая могла почеститься вызовом, он называл себя «мистическим писателем», признавал, что язык его пропитан сатирическим «ядом», объявлял свободу слова высшим благом для любого писателя, а цензуру своим злейшим врагом».

Этого было предостаточно уже и по тем временам; и ни известность, ни впечатлительность, ни неровность характера не стали бы спасительной причиной. В конечном итоге не стал ею и апрельский сталинский звонок, ибо результат его, в сущности, никчемный: работа в Художественном театре. Как будто ВСЯ жизнь писателя состоит только из РАБОТЫ В ТЕАТРЕ. Как будто до этого, до тридцатого года, так уж мало сделано для литературы, для того же театра!

Прав, прав был Герцен, когда говорил, что «...письма большие, чем воспоминания; на них запеклась кровь событий, это - само прошедшее, как оно было, подтвержденное и нетленным».

Когда мы читаем сейчас Булгакова - письма ли, прозу ли, пьесы ли человека, который «...навсегда бросил медицину и отдался литературе», то благодарностью наполняются сердца. Потому что не пошел на поводу у действительности и все же писал, несмотря на угрозу голода и нищеты.

Потому что не разъединил эти призвания - врача и писателя. Он и поныне лечит нас словом.

...Бывали на Патриарших прудах? Это здесь один за другим появлялись герои главного булгаковского романа. Это о них, об этих прудах, которые никто никогда так и не назвал по «новому» имени - Пионерскими (теперь, увы, уже в единственном числе, «Вода в пруду почернела...») И это здесь в сентябре 1989 года состоялся наконец-то первый Булгаковский праздник.

Будете на прудах - зайдите в подъезд дома 302-бис, вернее, по-современному, на Большую Садовую, 10. Под арку, в замкнутый каменный двор, налево... Несколько лет назад, когда меня в первый раз привели сюда, я потом возвращался сам и приводил других еще не один месяц, несмотря на огромную возрастную разницу между обычными обитателями подъезда и мною. Просто такого ни до, ни после не видел: ни на стенах, ни на потолках не было свободного места - рисунки, портреты, цитаты из романа, признания в любви... Если это считать хулиганством, то вдруг захотелось, чтобы хулиганство всегда было только таким - неагрессивным и даже в чем-то эстетичным. Не зря же тогда в подъезде я не увидел ни одной сколь-либо неприличной надписи. Потому что это было не просто проявление любви к Булгакову, это было и борьбой за него, за его музей, которому самое место в квартире N 50, где жил писатель и из окон которой вышли в мир (вылетели!) его знаменитые

ной академии Афанасия Ивановича Булгакова. И мать, и отец были выходцами из семей священнослужителей. Михаил - старший из их семейных детей.

Практически из любого периода жизни что-то было взято Булгаковым для произведений - как штрих, пример, наблюдение. Страницы «Белой гвардии» озарены материнской любовью, под знаком которой и прошло раннее детство писателя.

Затем, с 1900 года - гимназия: и ей нашлось место в «Днях Турбиных».

И так, естественно, почти во всем. Богатство человека - в человеке, а не в вымысле о нем. Так просто. И так трудно.

После 1909 года - медицинский факультет, первые творческие попытки, первая женитьба.

А после окончания курса обучения в 1916 году - фронтовой госпиталь. Где же еще и быть хирургу во время войны, если не на фронте?

То, что было дальше, - отражено в «Записках юного врача»: вся работа сельского лекаря. Чем только не болели те 15 361 пациент, которых он принял за один год практики!

Двадцатые годы в творчестве и в судьбе Булгакова - определяющие. Не только потому, что появились «Записки на манжетах». Не только потому, что во Владикавказе понял, что единственное дело, которым он сможет заниматься - литература. Но и потому, что он попросту выжил во всем том аду - среди тифа, отступлений и наступлений, предательств и смертей.

И октябрьские события семнадцатого, и многочислен-

язык, становится народной пьесой.

Но это - только подступы, только первые шаги. Уже не за горами осень 1921 года, а за нею - и переезд в голодную Москву. И снова - лишения, мятарства, пока не найден приют в редакции «Гудка». И - работа над «Белой гвардией». А параллельно пишется и публикуется многое иное - повесть, рассказы, очерки, фельетоны. Но именно роман выводит его на дорогу большой литературы: уже весной 1925 года к Булгакову обращается МХАТ с предложением инсценировать «Белую гвардию». Так после нескольких вариантов рождаются «Дни Турбиных» - пьеса, снижавшая успех не только у нас, но и во многих странах за рубежом.

1926-1928 годы - новая пьеса о гражданской войне. Горький тогда сказал о «Беге», что пьесе «предстоит триумф, анафемский успех».

1929-й год - драма «Мольер».

Затем - комедийная, гротескная пьеса «Александр Васильевич» и удивительный «Александр Пушкин», и кроме этого - многочисленные либретто для Большого театра, и - инсценировки («Мертвые души», «Война и мир»), и - оригинальный «Дон Кихот»...

Казалось бы, его полностью поглотил театр, который он знал, чувствовал и любил. Но уже идет интенсивнейшая работа над «Мастером и Маргаритой», романом, который войдет в сокровищницу отечественной классики.

Перечитывая том - почти шестьсот страниц - булгаковских писем, еще раз понимаешь, насколько драматичной была судьба писателя. И многое, созданное им, - вопреки обстоятельствам. Да, конечно, были в жизни и счастливые, радостные периоды - человек ведь не может все время быть только счастливым или только угнетенным. Но все же Булгаков - это скорее жизненная драма. И во многом - посмертная. После яркого успеха двадцатых годов - нападки. После смерти - забвение. В конце пятидесятых - новый официальный заслон (так, Сурков в 1957 году писал в «Правде», что «кое-кто стремился зачислить в классики советской драматургии Михаила Булгакова при полном забвении многого чуждого нашему времени, что несло в себе творчество этого литератора» и т.д.). И лишь во второй половине шестидесятых, когда журнал «Москва» стал печатать «Мастера и Маргариту», публика ощутила подзабытое состояние праздничного бума, а в разговорах замелькали булгаковские афоризмы, начиная с «рукописи не горят».

И слава Богу, что - не горят. И что вновь и вновь появляются произведения Михаила Булгакова в издательском центре «Терра», в серии «Четвертое измерение» выходит сборник повестей «Москва, двадцатые годы», включающий «Собачье сердце», «Роковые яйца», «Багровый остров», читая которые, хочется как можно больше узнавать и об авторе, о его привычках, пристрастиях, характере. Потому что любовь к Булгакову не бывает короткой и быстротечной. К одним приходит она в юные годы - счастливицы! К другим - в зрелые. Но, как правило, остается навсегда в каждом, как и положено высокому искусству, выстраданному жизнью.

Иван ПАНКЕЕВ.

герои. О, сколько лет об этом велись разговоры - о музее Булгакова! К делу был подключен даже М.С.Горбачев, по тем временам большой человек (см. «Известия ЦК КПСС», N 9, 1989 г.). Как будто надо было решать международную проблему!

Впрочем, у Булгакова всегда были свои, собственные отношения со временем - как и у всякого честного, значительного писателя.

Он родился 3 мая (по старому стилю) 1891 года в семье ученого, доцента, а затем и профессора Киевской духов-

ные смены правительств в Киеве, и даже сам дом на Андреевском спуске, 13, - все нашло свое отражение в его творчестве. Сказав: «...Пережил душевный перелом 15 февраля 1920 года, когда навсегда бросил медицину и отдался литературе», Булгаков теперь уже остался верен своему призванию до конца. С двадцатого года он публикуется, выступает, с успехом идут его пьесы в театрах, особенно «Братья Турбины». А пьеса «Сыновья муллы», написанная во Владикавказе и переведенная на осетинский